

Воспоминания Б.Н.Чиркова –директора комбината во время ВОВ

Когда мы вошли, т. Сталин что-то читал, с синим карандашом в руке, но сразу же встал, положил карандаш и пошёл навстречу. Он каждому пожал руку и пригласил садиться. Я близко видел его второй раз (первый был лет 10 назад, когда я присутствовал на банкете чекистов) и у меня сжалось сердце - т. Сталин выглядел крайне утомлённым, причём это была, как мне показалось, не временная усталость, а продолжительно накапливающийся недуг. Его волосы, усы и лицо имели землистый оттенок, только глаза были наполнены такой энергией и волей, что когда они останавливались на мне, я ощущал как бы разряд электрического тока.

В ту пору мне было 38 лет, из них 24 (с 14-летнего возраста) напряжённейшей борьбы за Советскую власть - гражданская война, ВЧК, строительство Дзержинского и комбината, фронт... Я многое повидал изнутри. Самоотверженность, энтузиазм, беспредельная вера в дело партии Ленина-Сталина, с одной стороны, и злобу, предательство, подлость - с другой. Можно сказать, я научился контролировать свои мысли и порывы...

Но тогда мои глаза по-мальчишески выражали столько сострадания и восторга (это потом отметил Авраамий Павлович), что т. Сталин, видимо, почувствовал и мягко, я подчеркиваю - мягко, спросил меня:

- Это Вы, т. Чирков, взорвали Тырны-Ауз?

- Я, т. Сталин.-

- А затем всем составом комбината перешли Кавказский хребет?

- Да, т. Сталин.

Мне казалось невероятным, что такой эпизод, вообще-то для меня очень примечательный, даже с какой-то долей героики, но столь незначительный для его масштабов, знает т. Сталин.

Это было в 1942 г. Меня несколько месяцев назад назначили начальником Тырны-Аузского комбината под Нальчиком, дающего фронту так необходимые вольфрам и молибден.

Немцы рвались через Северный Кавказ к бакинской нефти. Положение было угрожающее - противник запер Баксанское ущелье, в котором находилось предприятие, мы оказались в тылу вражеских позиций. Командование, обороняющее

рубеж, приняло решение взорвать комбинат. Осуществление этого взрыва было поручено мне. С подрывниками и главным инженером мы так заложили заряды, что, зная схему и объем подрыва, можно было быстро восстановить объект. Вместе с тем характер разрушений создавал видимость бесполезности восстановительных работ. Подробная схема подрыва и легенда к ней была передана мной в Наркомат (когда немцев вышвырнули с Кавказа, комбинат был восстановлен в считанные недели).

После взрыва весь личный состав комбината с детьми и пожилыми людьми, молибденом и вольфрамом в рюкзаках совершил переход через Кавказский хребет... Надо сказать, это был один из тех многочисленных "подвигов Советского человека, о которых было мало кому известно... Но т. Сталин о нём знал!

- Нет предела возможностям русского народа, советского народа, поверившего в правоту партии.

Сколько теплоты и гордости слышалось в этих словах вождя.

- Вы давно с фронта, где были?

- Сегодня ровно две недели, т. Сталин, а дошёл я от Северо-Западного фронта до Балатона.

- Какое настроение у солдат, как люди относятся к загранице, к населению? Я видел, что т. Сталин с интересом выслушивает мои ответы, и постепенно успокоился. Мне кажется, т. Сталин этого и добивался. Я на всю жизнь запомнил его уважительность, даже бережность ко мне, одному из многих тысяч прошедших через его внимание.

Он закурил папиросу из темной пачки (потом я узнал, что он курил "Герцеговину Флор"). Прохаживаясь по кабинету, он говорил:

- Американцы рассчитывают, что мы будем иметь атомную бомбу лет через 15, а то и позже, и строят на этом свою стратегию. У них этих бомб сейчас одна-две, но когда они вооружат ими свои ВВС, то попытаются диктовать нам свои условия. На это у них уйдет лет 5. Вот к этому сроку, т.е. к началу 50-го года, мы должны иметь свою атомную бомбу. Товарищ Курчатов заверил Политбюро, что при наличии металла этот срок реален. Для учёных, инженеров и рабочих и для Вас, т. Чирков, эта задача по напряжению и ответственности равна усилиям военного времени.

Сталин говорил ровно, спокойно, и за этой размеренностью чувствовались капитально выверенные расчеты. Позже я узнал, что т. Сталин собирал видных ученых, инженеров, выслушивал сотни мнений. Вам, т. Чирков, будет оказано любое

содействие, будут предоставлены большие полномочия. Ваше предприятие ни в чем не будет ощущать недостатка. Он помолчал, положил папиросу в пепельницу.

- Дополнительные лишения народа при создании этого дьявольского оружия окупятся сторицей - думаю, лет на 30-40 мы будем ограждены от войн. За это время мы так разовьём свою экономику, культуру и сознание, что сумеем создать такие жизненные условия советскому труженику, которыми не обладает ни один народ развитых стран. И тогда уже мы будем иметь решающее влияние на освобождение народов мира от унижения капитала.

Я вслушивался в каждую букву, каждую интонацию, я как сейчас помню, что в меня, наверное, в моих товарищей, входила неколебимая вера, что так и будет. При расставании т. Сталин сказал: "Будут затруднения - звоните мне". Вот, собственно, и всё. Мы пошли к выходу, когда Авраамий Павлович вполголоса задал т. Сталину вопрос. Мы остановились. Товарищ Сталин выслушал Завенягина, затем сказал:

- Любой руководитель, независимо коммунист он или нет, не имеет права совершать поступки, которые хотел бы скрыть от огласки. Как в служебной, так и личной жизни. Ушло время, когда мы были вынуждены мириться со "слабостями" некоторых ценных специалистов, теперь достаточно или почти достаточно компетентных кадров, и мы не будем отводить глаза от моральных уродств, дискредитирующих нашу идею.

Позже Авраамий Павлович рассказал, что это относилось к N, одному из видных фигур атомной отрасли - большому любителю амурных проказ. В дальнейшем у N хватило воли изменить свой образ жизни. Видимо, слова т. Сталина явились именно тем толчком, который был необходим для этого вообще-то беспредельно преданного партии человека.

Но и для меня эта фраза навсегда стала мерилom большевистской зрелости и порядочности. Сколько раз эти слова помогали мне избегать сомнительных решений.

Мы вышли.

Я часто думал, нужна ли была эта встреча? Ничего в ней вроде бы не решалось. Никаких просьб и указаний высказано не было. Я понимаю, что и без нее я отдал бы все силы порученному делу, но я и сейчас и тогда отчетливо представляю, что встреча с т. Сталиным и его напутствие вселили в меня такие силы, такую

уверенность, энергию, энтузиазм, которые во многом передались многотысячному коллективу комбината.

Всем известно, что советская атомная бомба была испытана в 1949 году. И я без всякой скидки могу сказать, что это был подвиг, опять массовый подвиг советского человека - физика и рабочего, инженера и строителя, горняка и геолога, технолога и служащего.

И в этом подвиге есть доля участия коллектива, в котором я проработал с 1945 по 1953 гг.

Я глубоко убеждён, что любой человек, хоть единожды встречавшийся с т. Сталиным, навсегда сохранил его неизгладимый образ. Недаром в мемуарах и воспоминаниях государственных и партийных деятелей, видных военных, конструкторов, инженеров, стахановцев города и деревни сказано о нём столько проникновенных слов.

Пожалуй, не найдешь человека (конечно, порядочного), соприкасавшегося с ним, который не преклонялся перед его работоспособностью, личной скромностью, граничащей с аскетичностью, умением проникнуть в самую суть проблемы, перед его действенной, а не показной заботой о простом человеке, его непреклонностью в достижении намеченной цели, его непримиримостью к демагогии, кривде, землячеству, семейственности...

И для меня встреча с т. Сталиным оказалась самым волнующим событием в моей, полной острых ситуаций, жизни".

ОТ АВТОРА: - Б.Н.Чиркову не простили высокого мнения о Сталине, Н.С.Хрущев с подсказки хазар лишил его наград, льгот.

Тем не менее, мне лично пришлось переживать этот эпизод, когда снимали в Приэльбрусье фильм "Белый взрыв". Наш студенческо-строительный отряд в то время работал там и во многих массовках принимал участие - так, что этот фильм у меня является семейным.